
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОСХОД. 1906—1923

1. Родословная

Даниил Андреев так ощущал бессмертие и вечность, или распаханность времени во все концы, что земную жизнь представлял лишь краткой частью пути. Когда и где этот путь начался? Он вспоминал себя в других мирах, под двумя солнцами, одно из которых, «как ласка матери, сияло голубое», а другое «ярко-оранжевое — ранило и жгло». Он вспоминал о матери и деде у шалаша под пальмами, о купанье в водах Меконга, о Непале, о дороге от Гималаев на Индостан, тосковал о любви в утраченной отчизне. Но об этих жизнях-снах, о которых он романтически намекнул в стихах, большего, чем сказано им самим, не узнать. Можно верить в них или не верить.

Земная жизнь поэта доступней. Но и в ней пробелы, тайны, загадки. Не только потому, что пропали, сожжены бумаги, что свидетели умерли, не оставив показаний. Нет, все объяснить, все описать в чьей-то жизни — значит воскресить ее. Совершить чудо. Но не человеческое это дело покушаться на чудеса.

«Я плохо знаю моих восходящих родных»¹ — вот с чего начал автобиографию его отец. И в одном из последних писем давнему другу, Ивану Белоусову, сообщал: «По отцу — я великоросс; по матери и деду — поляк; по бабке и всему ее роду (Кулиш) я — хохол... Далее, по деду с отцовской стороны (орловский предводитель дворянства) — я помещик... по бабке — крепостной беднейший крестьянин...»²

Семейное предание, по которому отец Леонида Николаевича Андреева, Николай Иванович, был сыном орлов-

---

¹ Андреев Л. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 575. — *Здесь и далее примечания автора.*

² Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 76, 77.

ского помещика Карпова и крепостной красавицы Глафиры Иосифовны, документами не подтверждается, но и не опровергается. Были слухи и о том, что предводитель орловского дворянства сошелся с таборной певицей. Правда это или нет — кто знает? Но встречавшийся с Леонидом Андреевым в октябре 1918-го Рерих увидел в нем «лик индусского мудреца, хранящего тайны»¹. И во внешности Даниила и его старшего брата было нечто индусское, заметное даже на некоторых фотографиях. Зная Даниила в юности в эти слухи верили, называли его индийским принцем и не удивлялись поэтической любви к Индии.

В незаконченной повести Вадима Андреева «Молодость Леонида Андреева» предание рассказано по-другому. Прабабушку он называет Дарьей. Дарья была дочерью крепостного Карповых — Степана Бушова, за черноту прозванного цыганом. После смерти отца Дарью взяли в помещичий дом. Овдовевший Андрей Карпов в нее влюбился. Когда у них родился ребенок, «он отправил Дашеньку в Красные горы, выдав замуж за своего же дворового, дал приданое — 1000 рублей и отпустил на волю. Сына, крещенного Николаем и по имени отца получившего фамилию — Андреев, — он отобрал у матери и оставил при себе: “Не годится Карпову, и незаконнорожденному, быть простым мужиком. Дам образование, пусть выйдет в люди”».

Известно, что одна из ветвей рода Карповых восходит к Рюриковичам. А орловские Карповы были в родстве с Нилусами, Тургеневыми, Шеншиными. «Род Карповых был не из древних — первый Карпов, о котором можно сказать что-либо с уверенностью, был послан царя Алексея Михайловича при Богдане Хмельницком. Большинство Карповых жили из поколения в поколение в своих поместьях... Карповы усердно занимались хозяйством, скопидомами не были, но собственность свою не разбазаривали — у Андрея Карпова в сороковых годах прошлого века было больше шестисот душ крепостных и тысячи четыре десятины: леса, заливные луга, отличный конский завод...» — повествует Вадим Андреев.

Бабушка Даниила Андреева по отцу, Анастасия Николаевна, была из орловского рода дворян Пацковских, польского происхождения, но давно обрусевших.

Род матери Даниила Андреева — Велигорских — с Украины. Это одна из ветвей тоже польского дворянского рода,

---

¹ Андреев Л. S.O.S. М.; СПб., 1994. С. 393.

к которому принадлежали и известные графы Вельгорские, или Виельгорские¹. Первый известный представитель рода Велигорских, поручик Григорий Никитич, во времена Екатерины II жил в Черниговской губернии. О Михаиле Михайловиче Велигорском (или Корде-Виельгорском) известно немного. По семейному преданию (вряд ли достоверному), его отец за участие в Польском восстании 1863 года лишился имений и графского титула, после чего в надежде вернуть семейное состояние он перешел в православие. Но надежды, если и были, остались надеждами. Образование он получил совсем не графское, как и другой дед Даниила, начав карьеру со звания «землемера и таксатора». С 1879 года служил в Киевской удельной конторе. Командированный затем на должность помощника окружного надзирателя, жил в местечке Голованевске Балтского уезда Подольской губернии. Там 4 февраля 1881 года и родилась его младшая дочь Александра. Всего детей у него было пятеро. Позже, с 1883 по 1894 год, Михаил Михайлович служил в Трубчевске, а жену с детьми, которым пришла пора учиться, устроил в Орле (в Трубчевске гимназия открылась только в 1914 году). Жилось им трудно — отец семейства все время находился в «крайне стеснительных обстоятельствах». Затем его перевели в Севск — городок той же Орловской губернии. Там в 1898 году он вышел в отставку, дослужившись до надворного советника. Умер в Киеве, в год рождения внука Даниила.

Бабушка Даниила Андреева, которую он очень любил, Евфросинья Варфоломеевна (Бусенька), была дочерью Варфоломея Григорьевича Шевченко, троюродного брата, свояка и побратима украинского классика. О Варфоломее Григорьевиче известно, что в 1864 году он побывал под следствием за связи с польскими повстанцами. Позже опубликовал воспоминания о великом брате, которого правнук в «Розе Мира» поместил в Синклит Мира.

Евфросинья Варфоломеевна, как и ее отец, родилась в селе Кириловка Киевской губернии в 1847 году. Училась в киевском пансионе Соар. Тарас Григорьевич в письмах ее отцу не забывал племянницу, называя то Присей, то

---

¹ В разные времена и у разных ветвей рода фамилия писалась по-разному, но ветвь черниговских Корде-Велигорских со времен Екатерины II носила фамилию в современном написании, так она значится и в метрическом свидетельстве А. М. Велигорской (Русский архив в Лидсе (Leeds Russian Archive) (Великобритания). MS. 606/G. 8.i. — Далее РАЛ).

Рузей — на польский лад, от Розалии. И она его помнила, до старости берегла в сундуке коралловые бусы и голубую корсетку, им подаренные, хранила «Робинзона Крузо» на французском языке с дарственной дядюшкиной надписью.

В старости Бусенька производила впечатление женщины властной и гордой, даже чопорной, «с манерами старинной помещицы»¹. «Она гордилась тем, что она родная племянница Тараса Шевченко, гордилась родом Велигорских, никогда никому не позволяя ни малейшей фамильярности»², — вспоминал Вадим Андреев.

2. Родители

В повести «Детство» Вадим Андреев пишет о Евфросинье Варфоломеевне: «В свое время она была против замужества моей матери, считая, что Шурочка должна сделать блестящую, соответствующую ее положению партию, что брак с молодым, никому не известным писателем без роду и племени — мезальянс, что отец с его бурным и тяжелым характером сделает несчастной мою мать»³. По всеобщему мнению, брак Леонида Андреева и Александры Велигорской оказался на редкость счастливым. Но, видимо, материнское сердце предчувствовало трагическую краткость этого счастья.

Познакомились они в 1896 году, на даче в Царицыне. Шурочка Велигорская была пятнадцатилетней гимназисткой.

Леонид Андреев писал друзьям: «Летом был на уроке в Царицыно... и жил у Вильегорских, чудеснейших людей, у которых я теперь так же хорошо себя чувствую, как в Орле, у вас. Целыми днями торчу там»⁴. С семейством Велигорских, недавних орловцев, его познакомил, очевидно, Павел Михайлович Велигорский. А может быть, его приятель, доктор Филипп Александрович Добров, муж старшей сестры Велигорской — Елизаветы Михайловны.

Семья Добровых, с младенчества родная семья Даниила, была дорога и его отцу. Еще до женитьбы в одном из писем он признавался: семья Добровых «страшно много

---

¹ *Алексеевский А. П.* «Герцог Лоренцо» (из воспоминаний журналиста). Цит. по: *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 386.

² *Андреев В.* Детство. М., 1966. С. 98.

³ Там же.

⁴ *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924. С. 115.

сделала для меня в нравственном отношении и до сих пор служит сильной и даже единственной поддержкой во всех горестях жизни. Короче сказать, не будь на свете этих Добровых, я или был бы на Хитровке, или на том свете...»¹.

Ухаживал Андреев за Александрой Михайловной долго, отношения их развивались непросто. В первое свое царицынское лето он восхищается Шурочкой и — «неожиданный роман» — увлекается Елизаветой Михайловной. Последняя несчастная любовь еще не изжита, но в горячечном исповедальном дневнике мелькают записи и о Е. М., и о Шурочке. В следующее лето он признается, что «увлечение Е. М. миновало совершенно и бесследно», но зато «в мыслях и в сердце занимает много места Шурочка»².

В 1898 году, летом, Андреев опять в Царицыне, с Добровыми. Счастливое лето кончилось быстро. «Вот уже более года как я... ни с кем почти из своих знакомых не виделся (исключая опять-таки той особы, с которой в то или иное время я спрягаю любовь). С переезда же в Москву из Царицыно (sic!) я перестал спрягать и любовь и два уже с лишним месяца провожу время дома, или в суде, или в трактире. Пишу отчеты и рассказы»³, — пишет он орловским друзьям. Работа, трактиры, метанья. Лето кончилось разрывом.

В письме в Нижний ее брату Петру Михайловичу Андреев доверительно делился переживаниями: «Не знаю, что думает и чувствует Алек<сандра> Михайловна. Я же думаю и чувствую, что, отдавши сердце, не легко взять его обратно... Как-никак, а больно»⁴.

В начале следующего года он лег в клинику: лечиться от «нейрастении». Александра Михайловна навещала его тайком от матери. Они помирились. В рассказе «Жили-были» Леонид Андреев описал эти посещения: «К нему приходила высокая девушка со скромно опущенными глазами и легкими, уверенными движениями. Стройная и изящная в своем черном платье, она быстро проходила коридор, садилась у изголовья больного... и просиживала от двух ровно до четырех». Она уже знала о нем почти все. Он давал ей прочесть страницы дневника, взвинченно-откровенного.

¹ Письмо В. С. Миролубову // Литературный архив. М., 1960. Т. 5. С. 80.

² Андреев Л. Н. Дневник: 1897—1901 гг. М., 2009. С. 82.

³ Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924. С. 164.

⁴ Баранов В. Время — мысль — образ: Статьи о советской литературе. Горький, 1973. С. 140.

Жених, неустроенный, неуравновешенный, страдал припадками меланхолии, депрессиями, кончавшимися запоями. Недовольство Евфросиньи Варфоломеевны понятно. Она немало узнала о будущем зяте за пять лет знакомства. Леонид Андреев делал успехи: в 1901 году вышла в горьковском «Знании» его первая книжка рассказов, о которой заговорили, — но это ее не поколебало.

Венчание состоялось в половине шестого 10 февраля 1902 года в церкви Николая Явленного на Арбате.

Заснеженная Москва неспокойна. «Анархия в самом воздухе... страшное возбуждение»¹. В ночь на 31 января у Андреева полиция провела обыск: искали письма Горького, на письма Пешкова внимания не обратили, но взяли с обысканного подписку о невыезде. Горькому он писал: «Плохая, дружэ, свадьба. Вчера пропал без вести мой брат (художник); вероятно, сидит в Бутырках. Маминька моя воеет.

...Центр города занят войсками и казаками; улицы оцеплены... Встретил я несколько черных и длинных, как гроба, карет под сильным конвоем казаков — и заплакал. Тошно.

А отложить свадьбу нельзя. Съехались со всех концов родственники, старики и старухи...»²

Поручитель при женихе поручик Воронежского пехотного полка Михаил Александрович Добров. Невысокий, уже полнеющий, как все Добровы. В год рождения Даниила за устройство под Тамбовом тайной лаборатории, изготовлявавшей бомбы, он был арестован и сослан в Иркутскую губернию. Может быть, слухи о его революционных занятиях и вызвали воспоминания Андрея Белого: «...дом угловой, двухэтажный, кирпичный: здесь жил доктор Добров; тут сживал я с Леонидом Андреевым, с Борисом Зайцевым; даже не знали, что можем на воздух взлететь: бомбы делали — под полом...»³ Речь идет о доме на углу Арбата и Спасо-Песковского переулка, позже надстроенном еще двумя этажами. Андрей Белый, как всегда, попал в самую точку. Другой дом, в котором Даниил Андреев прожил большую часть жизни, не уцелел, революционные взрывы разметали его обитателей и посетителей, отправившихся в эмиграцию, в тюрьмы, лагеря, ссылки, в преждевременные могилы.

---

¹ Горький и Леонид Андреев: Незданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 139.

² Там же. С. 140, 141.

³ *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 120.

Приехал на свадьбу отец невесты, ставший посаженным отцом. Александра Михайловна была моложе мужа на десять лет, ей исполнился двадцать один год. Все, кто знал ее, говорили и писали о ней если не восторженно, то с явной симпатией, называя юной и милой, веселой и нежной. Все свидетельствовали: «...в семейной жизни Андреев был очень счастлив»¹. Вересаев, не склонный к преувеличениям, заметил: «Лучшей писательской жены и подруги я не встречал»². Горький запомнил ее «худенькой, хрупкой барышней с милыми ясными глазами», скромной и молчаливой. Говорил о ней как о редкой женщине с умным сердцем и называл «Дамой Шурой». В воспоминаниях он приписал себе авторство прозвища, нравившегося самой Александре Михайловне. На самом деле так прозвал ее едва начавший говорить сын. Она об этом написала в дневнике.

В свадебное путешествие, убегая из беспокойной Москвы, Андреевы отправились через Одессу в Крым. Там в Олеизе, у Горького, на просторной даче «Нюра» пробыли около месяца. Для Леонида Андреева годы, прожитые с Шурой, стали счастьем — незамечаемым, недолгим. Годы, в которые он сделался одним из самых знаменитых русских писателей.

3. Рождение Даниила

На Рождество, 25 декабря 1902 года, родился их первенец, Вадим. Родился в Москве, на Большой Грузинской, а почти всю жизнь прожил за границей. В отличие от младшего брата, появившегося на свет в Берлине и за рубежом, если не считать гощений у отца на финляндской даче, больше не побывавшего.

Из Москвы, где жизнь, как он признавался, для него становилась невозможной, Леонид Андреев уехал в октябре 1905-го: «...не хочу видеть истерзанных тел и озверевших рож». Революционный год, при всей его вере в «благоприятный дождь революции», был тяжек. Арест. Две с лишком недели в Таганской тюрьме. Он с семейством перекочевывал с квартиры на квартиру. Автору «Красного смеха» угрожали: «Надо убить эту сволочь!»

---

¹ *Телешов Н.* Все проходит: Из литературных воспоминаний. М., 1927. С. 67.

² Реквием: Сборник памяти Леонида Андреева. М., 1930. С. 153.

Из Петербурга Андреев отправляется в Берлин. В мае следующего года селится под Гельсингфорсом. За ним следит полиция. Опасаясь ареста, скрывается две недели в норвежских фиордах и, хотя не любит этого города, опять едет в Берлин.

Рождение Даниила (доктора обещали дочь) ожидалось Леонидом Николаевичем с тревогой, к которой он старался не прислушиваться.

В Берлин они переехали 14 августа. В городе стояла тяжелая, угарная жара.

В сентябре Андреев писал Горькому: «Шуркино здоровье плоховато, а на днях нужно ожидать приращения»¹. Все, что мог, он сделал — из раскаленного каменного центра они переехали в дачное предместье: роскошная вилла, комфорт, рядом мать и теща, опытная акушерка, берлинские врачи.

А в рассказах и пьесах предощущение роковых событий, неминуемых. Но это в нем было всегда. В письмах же старается быть шутливым: «Работать тут удобно... На днях должна родить Шура... Грюневальд, вилла Кляра. — Хороша, брат, вилла: живу прямо в райской местности. Зелень и цветы»². «Живем мы так. Вообрази: Грюневальд, барская квартира, в которой одних фарфоровых собачек и свиной около миллиона да 500 тысяч портретов Вильгельма и Бисмарка; принадлежит вилла бургомистру... И живут в квартире: мы, акушерка, мать Шуры и мать моя, и все ждем, когда Шура разродится»³.

Он гуляет по лесистому Грюневальду, катается на велосипеде, работает. Здесь дописывалась «Жизнь Человека». Через год вспоминает: «И последнюю картину, Смерть, я писал на Herbertstr., в доме, где она родила Даниила, мучилась десять дней началом своей смертельной болезни. И по ночам, когда я был в ужасе, светила та же лампа»⁴.

Даниил Андреев родился 2 ноября (20 октября по старому стилю) в Грюневальде на Гербертштрассе, 26.

Поначалу казалось, что все благополучно. В письмах тех дней счастливый отец пишет о здоровом мальчишке, сооб-

---

¹ Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 273.

² Письмо Н. Д. Телешову // *Телешов Н.* Все проходит: Из литературных воспоминаний. М., 1927. С. 69, 70.

³ Письмо М. Горькому <13... 14/26... — 27 октября 1906> // Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 274.

⁴ *Андреев В.* Детство. М.: Советский писатель, 1966. С. 13.

шает подробности: «...весом около 9 фунтов, большие, как у франта, ногти, громкий голос. Плачет не жалобно, но сердито, водит глазами и вообще принадлежит к “сознательным” младенцам. Не дурен, красивее Дидишки в ту пору»¹.

Но через несколько дней у матери началась послеродовая горячка.

Вот письмо Леонида Андреева Горькому от 24 ноября 1906 года:

«Милый Алексей! Положение очень плохое. После операции на 4-й день явилась было у врачей надежда, но не успели обрадоваться — как снова жестокий озноб и температура 41,2. Три дня держалась только ежечасными впрыскиваниями кофеина, сердце отказывалось работать, а вчера доктора сказали, что надежды, в сущности, нет и нужно быть готовым. Вообще последние двое суток с часу на час ждали конца. А сегодня утром — неожиданно хороший пульс, и так весь день, и снова надежда, а перед тем чувствовалось так, как будто уже она умерла. И уже священник у нее был, по ее желанию, приобщил. Но к вечеру сегодня температура поднялась и начались сильные боли в боку, от которых она кричит...

Сейчас, ночью, несмотря на морфий, спит очень плохо, стонет, задыхается, разговаривает во сне или в бреду. Иногда говорит смешные вещи.

И мальчишка был очень крепкий, а теперь заброшенный, с голоду превратился в какое-то подобие скелета с очень серьезным взглядом.

<...> Не удивляйся ее желанию приобщиться, она и всегда была в сущности религиозной. <...> 23 дня непрерывных мучений!»²

27 ноября Александра Михайловна умерла. Новорожденного забрала бабушка и увезла в Москву, в семью Добровых, к другой своей дочери. Даниил много болел, его с трудом выносили.

Александрю Михайловну похоронили в Москве, на Новодевичьем, 5 декабря, на том месте, которое Леонид Андреев когда-то купил для себя, где год назад похоронил млад-

---

¹ Письмо С. С. Голоушеву. Цит. по: *Кен Л., Рогов Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками*. СПб., 2010. С. 404.

² Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // *Литературное наследство*. М., 1965. Т. 72. С. 283.

шую сестру, Зинаиду. Стужа была в этот день, вспоминал Борис Зайцев, присутствовавший на похоронах, жестокая.

Андреев, в полном отчаянии, со старшим сыном и матерью отправился на Капри, к Горькому, ища участия. Вот и после свадьбы он с Шурой поехал к Горькому... На Капри запил. Боялись за его рассудок. «Все его мысли и речи, — вспоминал Горький, — сосредоточенно вращались вокруг воспоминаний о бессмысленной гибели “Дамы Шуры”»¹.

Он винил в смерти жены берлинских врачей, и, видимо, небезосновательно, как считал, судя по его рассказу, Вересаев, сам врач.

Все речи его сводились к ней. Он говорил Екатерине Павловне Пешковой: «Знаете, я очень часто вижу Шуру во сне. Вижу так реально, так ясно, что, когда просыпаюсь, ощущаю ее присутствие; боюсь пошевелиться. Мне кажется, что она только что вышла и вот-вот вернется. Да и вообще я часто ее вижу. Это не бред. Вот и сейчас, перед вашим приходом, я видел в окно, как она в чем-то белом медленно прошла между деревьями и... точно растаяла...»²

Младшего сына он называл несчастным Данилкой и попросил быть его крестным отцом ближайшего друга. Крестили Даниила 11 марта 1907 года на Арбате, в храме Спаса Преображения на Песках, который изобразил когда-то Поленов в «Московском дворике». Горький, политический эмигрант, оставался на Капри, на крестинах его заменил дядя Даниила — Павел Велигорский, а в духовную консисторию подали горьковскую записку: «Сим заявляю о желании своем быть крестным отцом сына Леонида Николаевича Андреева — Даниила. Алексей Максимович Пешков». В «Метрической книге на 1907 год» сделана следующая запись:

«В д. Чулково. В Германии в Груновальде, уезд Тельстов родился 1906 г. Ноября 2-го дня по новому стилю. Помощник Присяжного поверенного Округа Московской Судебной Палаты Леонид Николаевич Андреев и законная его жена, Александра Михайловна, оба православные. Записано по акту о рождении за № 47, выданному 12 ноября по новому стилю 1906 года Чиновником Гражданского Состояния Рапшголь и удостоверенному Императорским

---

¹ Горький М. Полное собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 16. С. 346, 347.

² Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 565.

Российским Консульством в Берлине ноября 30 / декабря 13 1906 года за № 4982-м.

Кто совершал таинство крещения: Приходской Протоиерей Сергей Успенский с Диаконом Иоанном Поповым, Псаломщиками Иоанном Побединским и Михаилом Холмогоровым.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: Города Нижнего цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков и жена врача Филиппа Александровича Доброва, Елисавета Михайловна Доброва.

Запись подписали: Приходские Протоиерей Сергей Успенский, Диакон Иоанн Попов, Псаломщик Иоанн Побединский, Пономарь Михаил Холмогоров»¹.

Позже кое-кто поговаривал, что Леонид Николаевич Даниила не любил, видел в нем причину смерти Александры Михайловны. Так ли это? Смерть жены он переживал тяжело. Работа, запои, мучительная тоска. Томясь на Капри — в России его могли арестовать, — он пишет «Иуду Искарियोта». Его Иуда спрашивает апостолов: как они могут жить, когда Иисус мертв, как они могут спать и есть?

Тяжесть и болезненность переживаний сказались на сыне. Он любил его с какой-то тревогой.

Леонид Андреев называл себя писателем-мистиком. В одном из первых его литературных опытов, в сказке «Оро», шла речь о мрачных демонах в надзвездных пространствах и светлых небожителях, ангелах, о гордыне зла и всепрощении любви. И позже метафизический, мистериальный пафос не исчезал. В этом он все дальше расходился с Горьким, называвшим мистицизм «серым киселем». «Долго, очень долго путался я в добре и зле. Был христианином недолго; был буддистом, ницшеанцем (еще до Ницше), язычником...»² — признавался Андреев. Поиски «истинной цели» мучили его до последних дней. Георгий Чулков, вспоминая, писал, что у него «был особый внутренний опыт, скажем “мистический” <...> но религиозно Андреев был *слепой* человек и не знал, что ему делать с этим опытом»³. Чулков, придя от невнятицы «мистического анархизма» к православию, мог бы говорить

---

¹ Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН.

² Письмо В. Ф. Боцяновскому // Забытым быть не может: Сборник. М., 1963. С. 199.

³ Книга о Леониде Андрееве. Пб.; Берлин, 1922. С. 73.

о слепоте многих из своего литературного поколения, не исключая себя.

Мистические озарения Даниила Андреева связаны и с «внутренним» религиозным опытом отцовского поколения, и со слепотой его блужданий. Сходство с отцом в некоторых чертах характера, привычках, взглядах тоже заметно, все больше обнаруживаясь с годами.

Сына он увидел в мае 1907-го, хотел забрать к себе, но этому воспротивилась Бусенька. Даниил остался у Добровых. Несколько дней Леонид Николаевич провел на даче Добровых в Бутове, гуляя среди знакомых берез, привыкая к Данилке. Побывал на Новодевичьем. В одном из писем довольно сообщал: «Данилочка выглядит хорошо, очень веселый, на меня смотрит и удивляется»¹.

В октябре снова приехал в Москву: в Художественном театре готовилась постановка «Жизни Человека». Пьеса была последним сочинением, написанным при жизни жены, как он говорил, вместе с ней. Ей, называемой им «тихий свет мой», он читал, будя под утро, написанные ночами сцены. И не мог забыть тех осенне-черных берлинских ночей.

Жена Бунина вспоминала те дни: «Кто-то спросил Андреева, почему он сегодня не в духе?»

— Я только что от Добровых. Видел сына, который все чему-то радуется, улыбается во весь рот.

— Но это прекрасно, значит, мальчик здоров, — сказала я.

— Ничего прекрасного в этом нет. Он не имеет права радоваться. Нечего ему быть жизнерадостным. Вот Вадим у меня другой, он уже понимает трагедию жизни»².

Трагедии начавшегося века достало всем, не только обоим братьям. Но горшее выпало Даниилу. Русскую трагедию он пережил, не избежав ни тюрьмы, ни сумы, как метаисторическую, вселенскую. А в том ноябре ему только исполнился год, он был окружен любовью и доверчиво улыбался. Улыбался и невеселому отцу.

В цикле «Восход души», в котором Даниил Андреев с кем-то спорит: «Нет, младенчество было счастливым...» — отец присутствует беспокойной тенью: «Он мерит вечер и ночь шагами, / И я не вижу его лица».

---

¹ ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 6.

² Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870—1906. Беседы с памятью. М., 1989. С. 412.

Так отец и присутствовал в его жизни, незримо, но шагающий рядом, погруженный в свои видения, тревоги, писания.

4. Добровы

Доктор Добров был близким другом Леонида Андреева. Когда-то в дневнике он написал о Доброве: «...он правдив и, кроме того, умен — раза в 1½ больше меня»¹, — и мнения этого не изменил. В одну из последних встреч, даря издание драмы «Мысль» помнившему ее неудачную мхатовскую постановку другу, надписал: «Светочу медицины, пирамиде знания, Хеопсу глубокомыслия, ангелу кроткой благодати, дорогому ханже Филиппу Александровичу Доброву с чувством необыкновенной солидарности преподносит любящий Джайпур, в земной жизни более известный под именем Леонида Андреева. Дорогой Филипп! Ты помнишь, как мы с тобою, быв еще холостыми обезьянами, прыгали по веткам в лесах Индии, и ты еще прищемил хвост?»² Конечно, Индия, и даже хвост — это слова из Даниилова детства. Хвост... да, хвост мечтал отрастить сам Даниил, и дядя, прописавший худенькому племяннику, садившемуся за стол без всякого аппетита, лечебные, но горькие капли, убедил его, что это капли «хвосторастительные». «Однако для того, чтобы отрастить хвост, капель было недостаточно, следовало еще и хорошо себя вести, а вот это-то у живого и шаловливого мальчика никак не получалось. И появлявшийся, по словам дяди, росточек хвостика исчезал из-за очередного озорства»³.

После окончания Московского университета Добров всю жизнь — почти пятьдесят лет — проработал в 1-й Градской больнице, и в Москве его знали, как говорится, все. Гиляровский вспоминал, как Добров поселился в меблированных номерах на Лубянке, где традиционно останавливались тамбовские помещики. И Филипп Александрович приехал из Тамбова. Но его отец был не помещик, а известный тамбовский врач, дослужившийся до действительного статского советника. По преданию, отца хоронил весь город. Говорили: «Умер Добрый доктор».

---

¹ Андреев Л. Н. Дневник: 1897—1901 гг. М., 2009. С. 215.

² Марков А. «Храните у себя эту книжку...» М., 1989. С. 149, 150.

³ Андреева А. А. Плавание к Небесной России. М., 2004. С. 28.

Когда в декабре 1906-го Даниила привезли в семью Доброва, он снимал квартиру в доходном доме купца Чулкова на Арбате, на углу Спасопесковского переулка. Около 1910 года семья переехала в Малый Левшинский, сняв квартиру побольше.

Живой, в семейном кругу добродушный, к сорока годам располневший, Добров жил среди литераторов, художников, музыкантов, артистов, часто бывших не только знакомыми доктора, но и пациентами, хотя многим казалось, что его призвание вовсе не медицина. В арбатских и пречистенских переулках издавна селилась московская интеллигенция. И у нее, да и у всей Москвы сложившаяся за многие годы репутация доктора была непререкаемой: безошибочный диагноз, умелое лечение, внимательность. В приемные дни выстраивалась большая очередь. Его любили. В после-революционные голодные годы, и позже, по праздникам, «благодарные пациенты передавали добротные продовольственные подарки. <...> Откуда это... подносилось семье, так и не удалось выяснить. Делалось это молниеносно. Звонок. В открытую дверь просовывались корзины и букеты цветов...»¹.

В просторном кабинете доктора с внушительными книжными шкафами и мягкими диванами, где он принимал больных, стоял бежштейновский рояль. В доме чуть ли не ежевечерне слышалось темпераментное музицирование хозяина. Бывало, появлялся друживший с доктором Игумнов, и они играли в четыре руки. Не чужд был Добров и литературе. Леонид Николаевич, в свояке души не чаявший, читал ему свои рассказы, прислушивался к его замечаниям. Для участников «Сред», проходивших не только у Телешева, но бывало, что и у Добровых, доктор был своим человеком. Членами этих писательских собраний были коллеги-медики Вересаев и Голоушев (Сергей Глаголь). Дружил с Добровыми Борис Зайцев. Жена Бунина запомнила андреевское чтение пьесы «Царь-Голод» у Добровых.

До смерти Александры Михайловны, живя в Москве, Андреев с Добровыми не расставался. Вместе они жилали и на даче — в незапамятном Царицыне, потом в Бутове. Позже не раз проводили Добровы лето рядом с Андреевыми в Финляндии. За сына, отданного в руки Лилички, как он называл Елизавету Михайловну, он был спокоен.

---

¹ Андреева А. А. Плаванье к Небесной России. М., 2004. С. 228.

Даниил считал Филиппа Александровича и Елизавету Михайловну своими приемными родителями. Дом в Малом Левшинском переулке родным домом, помнившим всю его жизнь. В тюрьме написано стихотворение «Старый дом», посвященное памяти дяди:

Два собачьих гиганта
Тихий двор сторожили,
Где цветы и трава до колен,
А по комнатам жили
Жизнью дум фолианты
Вдоль стен.

Игры в детской овевя
Ветром ширей и далей
И тревожа загадками сон,
В спорах взрослых звучали
Имена корифеев
Всех времен.

А на двери наружной,
Благодушной и верной,
«ДОКТОР ДОБРОВ» — гласила доска...¹

Дом был неказистым, двухэтажным, в советские времена темно-коричневого цвета, с деревянным вторым этажом и действительно старым, по преданиям, пережившим наполеоновскую оккупацию. Но на самом деле пожар 1812 года пережил стоявший рядом большой усадебный дом, а дом, в котором жили Добровы, построен в 1832 году. Перед революцией им владел тайный советник и сенатор Рогович. Квартира Добровых до революционных уплотнений занимала весь первый этаж, в ней было девять комнат и кухня в подвале, куда шла крутая лестница — четырнадцать ступеней. В квартиру вела высокая дверь справа, с медной табличкой. В переулке, уютном, старомосковском, с распахнутыми летом окнами, с бузиной и сиренью во дворах и палисадниках, веяло провинцией. Обширный двор за домом, с могучими деревьями и еще с двумя старинными особняками поодаль, помнящими, как эти деревья вырастали. В соседнем, с мезонином в три окна, когда-то жил старик Аксаков. Память об этом не исчезла:

---

¹ Андреев Д. Собр. соч.: В 4 т. М., 2006. Т. 2. С. 463, 464. Все цитаты из сочинений и переписки Д. Л. Андреева приводятся, как правило, по этому изданию и специально не оговариваются.

Еще помнили деды
В этих мирных усадьбах
Хлебосольный аксаковский кров.

Хлебосольством запомнился всем и добровский кров, не только с «мировыми темами, спорами, именами и разговорами», но и с обедами, чаем, завтраками, внеочередными сливками, кефирами, квасами из экзотического гриба... С кухней в подвале, где «беспрерывно что-то варят, жарят, приготавливают, разогревают, прихоложивают льдом»¹, откуда неслышно подают Настасья, Леночка, Юзефа...

В доме всегда присутствовала молодежь. Она появлялась вместе со старшей дочерью Добровых, Шурой, с нею врывались в дом все новые веяния.

Шура Доброва училась в драматической школе МХАТа вместе с тихой Аллой Тарасовой, с которой ее познакомила давний, с 1910 года, друг Добровых Вавочка — Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович. А в 1915 году подружилась она и с девятнадцатилетней Ольгой Бессарабовой, приехавшей из Воронежа. Красавица Шура, высокая, стройная, с темными косами до колен, несмотря на явное дарование актрисой не стала — не смогла преодолеть страха сцены. Это выяснилось на выпускном спектакле по пьесе Гиппиус «Зеленое кольцо» и долго ее мучило. Увлечения Шуры были высокими: она затевала «спиритические мистерии», переводила «Цветы зла» Бодлера, бывала на выступлениях Бальмонта, слушала, как Брюсов читал о микенской культуре и Атлантиде. Как вспоминала о ней тогдашней Ирина Муравьева, дочь друзей Добровых: «Шура была очень интересной барышней, с претензиями на оригинальность. Например, чтобы ее лоб казался выше, несколько выбривала волосы надо лбом. Шокировала соседей и родителей тем, что танцевала танго: “Знаете, Шура Доброва танцует т-а-н-г-о...” Тогда считали, что это наполовину неприличный танец»².

Ее, похожую на египтянку и подчеркивавшую это, любившую экзотические наряды, дома носившую яркие кимоно и манто, писали бывавшие в доме художники — начинающий, еще футуристствующий юнкер из Нижнего Новгорода Федор Богородский и вернувшийся из Парижа Федор Константинов. Шурин портрет зимы 1917 года оставила в дневнике Бессарабова: «Чудные темные ее косы до колен просто

¹ Марина Цветаева — Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915—1925). М., 2010. С. 117.

² Цит. по: *Ройцына О.* Письма из детства. (Архив А. А. Андреевой.)

высоко заложены над головой и вокруг головы: их так много, что получается что-то вроде тиары. <...> Кажется выше, чем есть, от стройности и манеры держаться. Ослепительной белизны и нежности кожа, без всякой пудры и косметики, кроме ярко накрашенных губ. Черные тонкие крылатые брови над светло-серыми (часто зелеными) глазами»¹.

Даниила привезли к Добровым, когда Шуре было пятнадцать лет, он рос на ее глазах. «Посвящается той, кому я обязан всеми своими стихотворениями (Ш. Д.)», — написал он над четверостишием, написанным в январе 1917-го:

Буду Богу я молиться,
Любям помогать,
А чудесная Жар-Птица
Мне тоску свивать.

И в отношениях с двоюродным братом, Александром Добровым, шестилетняя разница в возрасте сказывалась долго.

5. Младенчество

Счастлирое младенчество Даниила оберегала бабушка. Она выходила его, вынянчила. Вся ее трепетно-ревнивая любовь после смерти дочери сосредоточилась на младшем внуке.

В доме Добровых другому ее внуку, Вадиму, уже после смерти Бусеньки, все время казалось, что он видит «ее фигуру — высокую, строгую, властную, медленно проходящую полутемным коридором, в длинном, волочащемся по полу платье. Ее руки по обыкновению заложены за спину, худое лицо строго и сосредоточенно. Она проходит, почти не касаясь пола, большими, неслышными шагами... Во всем ее облике, во всех ее движениях — непреклонная воля и величественность»².

Этот образ напоминает бабушку из андреевской «Анфисы». Добровы в ней видели явный намек на Бусеньку. Мистическая старуха в пьесе почти ничего не говорит, никого ни в чем не укоряет, она вроде бы глуха и занята только тем, что вяжет свой бесконечный чулок, но знает обо всем

---

¹ Марина Цветаева — Борис Бессарабов: Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915—1925). М., 2010. С. 147, 148.

² Андреев В. Детство. М., 1966. С. 98.

происходящем. И ее комната с ширмами, цветными лампадами, киотом, конечно, похожа на комнату Евфросиньи Варфоломеевны. Наверное, с ней, с Бусенькой, неразрывно связана та неколебимая верность православию, которая жила в ее внуче несмотря на все искания, видения и еретические доктрины. И ее ревностная любовь к младшему внуку стала главной причиной того, что Даниил рос не в отцовском, а в добровском доме.

Леонид Николаевич хотел взять сына к себе. По крайней мере, зиму 1909/10 года Даниил жил на Черной речке в его многооконном, с квадратной бревенчатой башней доме. Дом построили чересчур громоздким и причудливым, он нелегко обживался, но был в пору болезненно-тревожному духу хозяина, которого пережил ненадолго.

В памяти Даниила остались зима, хрустевшая финляндской стужей, кутавшая морозным дымом близкие скалы, и огромный дом со страшными закатными окнами в вишневых шторах.

Его брат считал, что Даниилу не хватало в отцовском доме той заботливости и душевной теплоты, к которым он привык у Добровых. Потому он в нем и не прижился. Но дело было не в изнеженности и хотеньях четырехлетнего мальчика, а в его бабушке, которая и не жаловала знаменитого зятя, и не хотела, чтобы любимый внук рос с мачехой, до неприязни чуждой ей Анной Ильиничной. Повод забрать внука появился скоро.

«В 1957 году <...> уже безнадежно больной Даня <...> рассказал мне о случае, послужившем причиной его увоза с Черной речки, — вспоминал его брат. — Ледяная гора, с которой мы катались на санках, выходила прямо на реку. Трехлетний Даня съезжал с устроенной внизу горы специальной детской площадки вместе со своей няней, правившей санками. Анна Ильинична, придерживавшаяся политики “сурового воспитания”, <...> запретила няне возить его. Даня съехал с горы один и попал прямо в прорубь. <...> По счастью, нога в толстом валенке застряла между перекладин санок, и няня, бежавшая сзади, успела выхватить его из проруби.

— Ты помнишь Бусеньку, — сказал Даня, — <...> после этого случая она пришла объясняться с отцом. У нее было такое лицо, что отец, не возражая, уступил, и мы на другой же день вернулись в Москву»¹.

---

¹ Андреев В. Детство. М., 1966. С. 94, 95.

Не по себе Евфросинье Варфоломеевне было и от заповей зятя. Как вспоминала двоюродная сестра Леонида Николаевича, особенно сильно он пил после смерти жены. «Как приедет в Москву, побывает на могиле, так и запой»¹.

Но увезла его Бусенька не навсегда. Есть фотография лета 1912 года, на которой Даниил в большой белой панаме сидит рядом с озабоченным отцом и задумчиво расположившимся в дачном кресле Добровым. У него, как у взрослых, выражение лица строго сосредоточенное. Фотография сделана на Черной речке. И когда Даниил Андреев говорил о счастливом младенчестве, он вспоминал не только дом в Малом Левшинском, но и летние месяцы рядом с отцом на Финском заливе.

Бывал он у отца и в Петербурге. Позже рассказывал, как, взяв за руку, отец шел с ним по Петербургу, но вдруг остановился и стал беседовать с каким-то высоким человеком. Даниил сначала послушно стоял, поглядывая по сторонам, потом заскучал и стал нетерпеливо дергать отца за руку. Но тот не обращал внимания. Наконец взрослые простились, и Леонид Николаевич ответил сыну, спросившему, кто это:

— Это был поэт Александр Блок.

— Как? Разве он не умер? — удивился Даниил, думавший, что все великие поэты давно умерли.

Сохранилась открытка, присланная отцом Даниилу из Италии в январе 1913 года. С узнаваемым андреевским юмором он пишет о римских достопримечательностях, на ней изображенных: «Сыночек Данила. Вот что выросло под носом у твоего папы. Целую тебя. Твой — Леонид-отец».

Умерла Бусенька весной 1913 года, выхаживая любимого внука от дифтерита и заразившись. От Даниила, долго выздоравливавшего, ее смерть скрыли. Шура рассказывала ему о том, что Бусенька в больнице, но очень соскучилась по своей дочке, его маме, а чтобы увидеть ее, надо умереть и отправиться в рай. Бусенька просит внука отпустить ее. После слез и расспросов Даня написал письмо, отпускавшее ее. Следующим летом, у отца на Черной речке, стосковавшись по бабушке, он решил броситься с моста, чтобы попасть в рай — к Бусеньке и маме. Может быть, их лица вдруг померещились ему в струящейся у черных свай воде. Его успели удержать. Но иной мир, промерцавший в тем-

---

¹ *Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924. С. 215.

ной бегущей воде, остался в душе навсегда, став, как стало новилось все в его жизни, многозначным мифом. В поэме «Немереча» он рассказал:

Да, с детских лет: с младенческого горя
У берегов балтийских бледных вод
Я понял смерть как дальний зов за море,
Как белый-белый, дальний пароход.
Там, за морями — солнце, херувимы,
И я, отчалив, встречу мать в раю,
И бабушку любимую мою,
И Добрую Волшебницу над ними.

Случилось это в их последнее финское лето. Наверное, тогда запомнила его сестра Вера — худенького беленького мальчика, сидевшего на камне около кухонного крыльца многолюдного отцовского дома.

Впечатления этого лета, балтийские дали с островами в плещущей синеве и дымке мечты не истаяли и через годы (он писал: «Большую часть детства я провел в Финляндии и хорошо изучил характер этого своенравного и взбалмошного моря»¹), попали в стихи:

А вокруг, точно грани в кристалле, —
Преломленные, дробные дали,
Острова, острова, острова,
Лютеранский уют Нодендаля,
Церковь с башенкой и синева.

В Нодендале их и застало в 1914 году объявление войны. В конце июля туда, к отдохавшим Добровым, приехал из Гельсингфорса железной дорогой Вадим, а позже, две недели прокапитанствовав в шхерах, Леонид Николаевич приплыл на своей шхуне «Далекий». В связи с войной он решил отправить к Добровым и Вадима.

6. Динозавры и первое стихотворение

В памяти Вадима Андреева осталось от дома Добровых ощущение монотонности жизни. Ему казалось, что само время здесь отставало «точно так же, как отставали на четверть часа большие круглые часы в кабинете Филиппа Алек-

---

¹ Письмо Ю. Г. Бружес [1955].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru